

**ВСПОМИНАЯ
АНАТОЛИЯ
ВЛАДИМИРОВИЧА
ЛУБСКОГО**

**REMEMBERING
ANATOLY
VLADIMIROVICH
LUBSKY**

Матяш Тамара Петровна

Доктор философских наук, профессор,
Донской государственной
технической университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: tamara.matiash@yandex.ru

Tamara P. Matyash

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor,
Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: tamara.matiash@yandex.ru

«Ушел из жизни...» – так обычно начинаются речи о тех, кто покинул земной мир. Но об Анатолии Владимировиче Лубском не хочется говорить «ушел». Его жизненная энергия была столь велика, что событие смерти с ней трудно совместить. Энергичные люди проявляют себя по-разному. Есть такие, кто, как правило, шумно активны; их узнаешь по громким голосам, бурным публичным спорам, бесцеремонным манерам в обращении с сослуживцами и др. Когда они входят, например, в зал заседаний, то сразу же подаются аудитории какие-либо знаки о своем появлении, не заметить их появления просто невозможно.

Жизненная энергия Анатолия Владимировича была принципиально иной. Он не любил привлекать к себе публичного внимания ни шумной активностью, ни яростными спорами, ни словесным или жестовым позированием. И все же он привлекал взгляды и мысли окружающих людей. Привлекал внешним спокойствием, словами и манерами, в которых чувствовались достоинство и внутренняя духовная сила уверенного, но не самоуверенного человека. Он был как-то по-особому не суетлив, не многословен, умел держать дистанцию, не унижающую собеседника. Общаюсь с ним, лично я интуитивно понимала, что слово этого человека твердо, не двулично, не легковесно. С такими людьми одновременно и легко, и тяжело общаться. Легко – потому что нет заднего плана, скрытых и лицемерных смыслов, а тяжело – потому что надо было соответствовать такой открытости в общении. Вступая с ним в неспешный диалог, надо было быть готовым к встрече с мышлением, которому были свойственны строгость, последовательность в умозаключениях, отсутствие безапелляционности в суждениях и выводах. Именно такому мышлению он учил своих многочисленных учеников.

Конечно, это мое восприятие личности Анатолия Владимировича, и оно может отличаться от мнения и восприятия других людей, что вполне

естественно. Мы вспоминаем о человеке, который был и ученым, и учителем, и мужем, и отцом, и сослуживцем, и даже в некоторой степени чиновником. И, по-видимому, каждая исполняемая им социальная роль требовала какой-то нюансировки в принципах поведения. Но все же всегда его поведение и поступки базировались, и в этом я уверена, на онтологической, бытийственной сути его нравственных принципов.

Что касается его статуса ученого, то здесь особенно ярко и четко проявились характерологические особенности его личности. XX в. – век критики науки вообще, а значит, и истории как науки. Но Анатолий Владимирович оставался защитником науки, считал историю наукой, важнейшую функцию которой видел в производстве истинных знаний о прошлом историческом опыте. «Историческое познание, – писал он, – было всегда обеспокоено поиском истины. Надежнее истина – крепче историческая память, крепче историческая память – больше социальной уверенности» (Лубский, 2004. С. 4). Другими словами, с его точки зрения, исторические истины имеют не только теоретическое, но и практическое значение, так как на их основе формируются историческая память, историческое сознание как способ приобщения к традиции.

Все великие философы (Ф. Ницше, М. Хайдеггер и др.) считали, что наука – это прежде всего метод. Ницше, например, утверждал, что наука требует «абсолютного владычества своего метода» (Ницше, 2007). Именно метод формирует, говоря современным языком, пространство особой когнитивной научной практики. Но в последнее время в научной методологии возобладал плюрализм, когда, как пишет Анатолий Владимирович, «взаимодействуют различные модели исторического исследования, составляя конкурентное пространство исторической эпистемологии». В результате историческая наука превратилась в «мультипарадигмальную дисциплину, в когнитивное поле многообразных мнений и интеллектуальных “языковых игр”, вследствие которых историческая реальность растворилась во множестве теоретических конструктов и концептов, смысловых миров и метафорических значений» (Лубский, 2004. С. 311). Методологический плюрализм породил в XX в. критику методологизма как главного принципа науки, а в своем предельном варианте – отказ от методологизма вообще, что, несомненно, подорвало доверие к возможности получения истины в историческом познании. В итоге начался кризис исторического познания, состоящий в том, что истории было отказано в научности, а историческому знанию перестали доверять. В XX в. историческое знание, как писал Анатолий Владимирович, «стало слишком ангажированным и идеологизированным, чтобы казаться истинным или хотя бы правдоподобным» (Лубский, 2004. С. 4–5).

Поставив перед собой задачу – отстаивать научность исторического знания, Анатолий Владимирович признавал, хотя открыто об этом и не писал, что сама история как наука не обосновывает применяемые ею научные методы, понятия; оставляет за пределами своих интересов познание самого исторического познания, не изучает его процесс, не выявляет его оснований и т. д. История не имеет соответствующих средств и способов обоснования статуса своей научности. Другими словами, сами историки не смогли выстроить теоретико-методологическую линию защиты истинности своего знания. Анатолий Владимирович, бесспорно, понял, что осознать истоки охватившего историчную науку эпистемологического кризиса, наметить пути его преодоления, обосновать возможность истины в историческом познании можно было, только обратившись к философии, имеющей опыт теоретико-методологического осмысления событий. В своей монографии он писал, что «эпистемологический кризис, охвативший историческую науку, и развернувшиеся методологические “бои за историю” требуют соответствующей философской рефлексии» (Лубский, 2004. С. 5).

Поставив перед собой дерзкую задачу – вернуть исторической науке доверие, обосновать истинность и достоверность результатов исторического познания, он для решения этой задачи обратился к выявленным философией в её истории общим параметрам научно-исследовательской деятельности и рассмотрел в горизонте этих параметров различные когнитивные практики, существовавшие и существующие в историческом познании, показал успешную или безуспешную ориентированность этих практик на постижение истины. Решению этой дерзкой задачи и посвящена его диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук «Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация (социально-философское исследование)». Проведя методологический анализ различных когнитивных практик, сопровождавших историческое познание в разные его периоды, Анатолий Владимирович дал их типологизацию, выделив классическую, неклассическую, неоклассическую и постмодернистскую модели исторического познания. Каждая модель, с его точки зрения, обладает своим особым набором познавательных теоретико-методологических принципов и установок. Но научность исторического исследования в рамках этих моделей гарантируется, как считал Анатолий Владимирович, только в том случае, если эти модели будут базироваться на таких познавательных установках, имеющих атрибутивный характер, как «1) рациональность, 2) стремление к истине, 3) проблемность, 4) целеполагание, 5) рефлексивность, 6) предмет-

ность, 7) эмпиризм, 8) методологизм, 9) новизна, 10) контекстуальность» (Лубский, 2004. С. 19).

Будучи официальным научным оппонентом диссертационного исследования, проведенного Анатолием Владимировичем, я отмечала в своем выступлении, что проведенный в диссертации обстоятельный анализ смысла, содержания, методологической емкости и одновременно односторонности моделей исторического познания позволил впервые получить целостную панораму, некую энциклопедию существующих на сегодняшний день когнитивных практик исторического познания, показать их эвристический потенциал и вместе с тем ограниченность. Свои исследования возможности получения истинного исторического знания Анатолий Владимирович подытожил так: «Отправляясь в поход за истиной, ученый испытывает волнение – он хочет постичь сущность, упрятанную в тайну. Однако истина постоянно ускользает от него, и историку уготована участь подбирать лишь ее осколки. Но и осколки истины доставляют ему наслаждение – удивительное чувство соприкосновения с тайной» (Лубский, 2004. С. 306).

Исследование, проведенное Анатолием Владимировичем, бесспорно, обогатило историческую науку знанием сути и смысла её когнитивных практик и методов исследования, а потому вполне закономерно Анатолий Владимирович был признан ведущим методологом не только Юга России. Его методологические познания и интуиция были востребованы учеными разных направлений – как социально-гуманитарных, так и естественно-научных.

К сожалению, в последние годы я не работала в ЮФУ, а потому практически не встречалась лично с Анатолием Владимировичем. Почему к сожалению? Потому что я осталась в неведении относительно его отношения ко многим эпистемологическим сдвигам, в частности к мощной современной тенденции критики методологизма как такового, к введению в эпистемологию исторической науки процедуры понимания взамен процедуры познания. Мне не удалось обсудить с ним мысль М. Хайдеггера о том, что понимание есть способ бытия, а не способ познания, что проблема понимания – онтологическая, а не эпистемологическая и не методологическая, что понимание первичнее научного объяснения и значимее его, а потому «всякое познание, познавательное доказательство, апелляция к аргументам, источникам и прочее всегда уже предполагают понимание, которое в отличие от научного объясняющего познания схватывает мир не фрагментарно, следуя некоей познавательной схеме, а как некую целостность в контексте нашей озабоченности» (Хайдеггер, 2003). Понимание, согласно Хайдеггеру, не является ни экстраполяцией неких целепола-

ганий, ни упорядочиванием исторических событий в соответствии с желаниями и предрассудками познающего или власть имущих. Естественно, напрашивается вывод, что Хайдеггеру удалось снять проблему релятивности понимания исторического прошлого, которая всегда была одной из главных в методологии исторического познания. Согласился бы или нет Анатолий Владимирович с этим выводом? Вопрос не имеет ответа. Остается только сожалеть о том, что мы всегда опаздываем с нашими намерениями поговорить, обсудить, а также поздравить, просто позвонить и узнать о здоровье. И все потому, что в нас угасла «память смертная».

Заключу тем, с чего начала свои воспоминания. Анатолий Владимирович не ушел из земного мира: благодаря своим научным трудам он стал одним из звеньев в цепи развития человеческой культуры.

Литература

Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования / отв. ред. Ю.Г. Волков. М. : Социально-гуманитарные знания, 2004. 352 с.

Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов. М. : Академический проект, 2007. 327 с.

Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков : Фолио, 2003. 503 с.

References

Lubsky, A.V. (2004). Alternative models of historical research. In Yu.G. Volkov (Ed.). Moscow: Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya. (in Russian).

Nietzsche, F. (2007). Human, too human. A book for free minds. Moscow: Akademicheskiiy proyekt. (in Russian).

Heidegger, M. (2003). Being and Time. Kharkov: Folio. (in Russian).